

УДК 811.161.1

Кузьмич В. В. (Мозырь, Беларусь)

**ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ДЕСКРИПТОРЫ В ПРАКТИКЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО ПЕРЕВОДА**

В статье рассматриваются особенности поэтического перевода текстов М. И. Цветаевой через призму так называемых дескрипторов языковой личности

поэта и переводчика. Помимо основных дескрипторов языковой личности, рассматриваются и дескрипторы периферийные: социальные, литературные, философские, религиозные и т. д.

Поэтический текст (дискурс) – это одно из средств межкультурной коммуникации. В практике перевода участвуют как основные дескрипторы языковой личности автора, так и дескрипторы периферийные. Объем концепта «сильная языковая личность», набор его дескрипторов может быть легко расширен. Это зависит, в первую очередь, от лингвоментальных особенностей сильной языковой личности.

Это могут быть дескрипторы социальные, литературные, философские, религиозные и т. д.

Нас должно интересовать, насколько переводчик адекватно отразил не только базовые дескрипторы языковой личности М. Цветаевой, но и дополнительные, связанные именно с её личностью как человека и как поэта.

Анализ переводов, безусловно, способен выявить некоторые закономерности передачи лингвоментальных характеристик не только языковой личности М. Цветаевой, но и языковой личности белорусского переводчика В. Околовой. Теоретики перевода единодушны в том, что часто просто невозможно передать на другом языке всю заложенную в оригинальном тексте информацию.

У М. И. Цветаевой есть и такие тексты, где необходимо учитывать определенные фоновые знания, вертикальный контекст стихотворения.

Например, в стихотворении «Август – астры» Цветаева пишет: «Как ладонью гладишь сердце // Именем своим имперским: // Август! – Сердце!». Эпитет «имперский» связан с именем Октавиана Августа, римского императора. Ассоциативная связь у М. Цветаевой идёт от обозначения яркой, пышной эпохи римской империи к обозначению самого яркого и щедрого месяца в году.

Адекватно передать этот ассоциативный образ переводчик не в силах. В. Околова просто даёт языковое соответствие: “Іменем сваім імперскім – // Жнівень! – Сэрца!”.

Правда, переводчику удалось в одном месте хотя бы частично передать звукопись, применив сочетания звуков ім - ні, ен – ер.

Таким образом, из сопоставления данного текста и его перевода следует, что часто переводчик не может адекватно, без потерь, передать определенные интеллектуальные особенности, заложенные в тексте.

В некоторых случаях переводчик не учитывает, что определенные слова имеют временные коннотации. В. Околова – поэт современный, со времени же смерти М. Цветаевой прошло уже много лет. Некоторые слова, которые использует переводчик, вряд ли могли быть в цветаевском тексте. Так, в стихотворении «Читатели газет» 7-я строфа звучит следующим образом: «Пошел! Пропал! Исчез! // Стар материнский страх. // Мать! Гутенберов пресс // Страшней, чем Шварцев страх...». Перевод строфы: “Замры! Мінай, як стрэс! // Стары – матулін страх // Знай: Гутенбераў прэс // Страшней, чым Шварцаў прах”.

Современное слово «стресс» давно является общеупотребительным и даже многозначным. Однако, во времена Цветаевой это был чисто медицинский термин.

Переводчик берет рифму, которая ему кажется наиболее благозвучной, но не учитывает темпоральных рамок слова.

Дескриптор «*фоновые знания, интеллект*» как лингвоментальная составляющая языковой личности М. Цветаевой передается не всегда адекватно.

Дескриптор «*рифма*».

Переводчик должен передать не только образность текста, эмотивность, экспрессивность, но и, по возможности, особенности строфики и рифмовки оригинала.

Марина Цветаева как сильная языковая личность ломает каноны построения стиха: различные переносы (анжамбеманы), разбивка строфы на части и т. д.

Примеры таких авторских употреблений неоднократно находили в текстах Цветаевой: «Кача – «живет с сестрой» // ются – «убил отца!» // Качаются – тщетой накачиваются».

Надо отметить, что такая экспрессивная разбивка строфы не случайна. В приведенном примере передано движение вагонов метро, стиховое наполнение строфы как бы следует за движениями людей в вагоне.

В. Околова обычно точно передает эту особенность текстов Цветаевой: «Кача – «жыве з сястрой» // юцца – свінцу браток // Качаюцца – маной // Дзен поўніцца раток».

С одной стороны, В. Околова стремилась как можно точнее следовать за текстом автора, с другой стороны, как поэт она не могла не выразить *собственную* языковую личность. Проанализировав дескрипторы (лингвоментальные составляющие) языковой личности М. Цветаевой и их передачу в переводе В. Околовой, мы пришли к следующим выводам:

1. Дескриптор «*образность*» в переводе передается очень близко к оригиналу. Там, где возможно, переводчик точно воспроизводит тот или иной троп. Если же это невозможно, используется аналогичный образ. Это касается образности лексической и фонетической. Лишь в некоторых случаях переводчик значительно отходит от первоисточника, реализуя собственные лингвоментальные предпочтения.

2. Дескриптор «*эмотивность*» также близко передается к оригиналу. Это относится к передаче эмотивных синтаксических конструкций, гротесковых образов, особенностей рифмовки.

3. Дескриптор «*оценочность*» один из основных составляющих языковой личности М. Цветаевой. Эмоции выражают эмоциональное состояние и порождают ненаправленные и направленные эмоции.

В целом переводчику удалось передать общую направленность эмоций, выраженных в текстах Цветаевой. В то же время абсолютно точного эквивалента при переводе достичь невозможно, так как переводчик обязательно передает и свои собственные эмоции. Так, твердость и решимость, которые ощущаются в стиховорении: «Знаю, умру на заре!» переводчик смягчает, вводя свои эпитеты, которых нет в оригинальном тексте: вместо нейтрального «Вместе с которой из двух – не решить по заказу» используется окказиональное употребление переводчика «*Разам з каторанькай з двух – не рашыць па заказу*».

4. Дескриптор «*экспрессивность*» связан с тем, что языковая личность отличается свободой по отношению к норме. Отсюда выбор языковых элементов с сильной экспрессией: просторечия, жаргонизмы, вульгаризмы и т. д. Например, «тот, кто царскую цензуру только с душой рифмовал». Пушкин «как из пушки, нагловзорый» и т.д.

Экспрессивность как лингвоментальная составляющая языковой личности – один из наиболее сложных дескрипторов для перевода на другой язык. То, что на одном языке является грубым, в другом языке может быть нейтральным.

Передача экспрессивности проводится последовательно: языковые элементы с коннотативными оттенками переводятся с помощью соответствующих коннотаций: дура – дурніца, хвататели минут – рабаўнікі мінуты и т. д.

Часто в переводе экспрессивность даже выше, чем в оригинале, поскольку В. Околова вводит собственные окказионализмы с коннотациями, которым в оригинале соответствуют слова нейтральные либо книжные.

Так, смертная надоба переводится словом смерцейка с явным оттенком разговорности.

5. Дескриптор «*фоновые знания, интеллект*» связан с «семиотической (знаковой) памятью культуры». Тексты М. Цветаевой воздействуют на читателя,

помимо всего прочего, ещё и благодаря феномену прецедентности, насыщенности культурными ассоциациями, аллюзиями и т. д.

Передача прецедентности – это также сложная задача для переводчика. В данном случае для переводчика она несколько обличается из-за того, что белорусский читатель во многом находится в едином культурном пространстве. Например, имя Пушкина одинаково значимо и для русского читателя, и для белорусского: Пушкин – в роли монумента? – Пушкин – воблік манумента.

Стремясь как можно точнее передать форму стихотворения, переводчик вынужден жертвовать в некоторой степени смыслом стихотворения. Там, где у Цветаевой вполне прозаическое «убил отца», у В. Околовой возникает сложная ассоциативная метафора «свінцу браток». Да и метафора Цветаевой “тщетою накачиваются” с сильной звукописью переводится очень сложным образом: “Маной дзён поўніцца раток”. Можно сказать, что смысл цветаевской строфы передан лишь приблизительно.

Одним из показателей сильной языковой личности является, как уже упоминалось, эмотивность. Одним из экспликаторов эмотивности являются яркие, нетривиальные рифмы.

Анализ этой составляющей языковой личности Цветаевой показывает, что рифма для нее является необходимым средством выражения эмоций, дополнительным. Часто встречаются рифмы ассонансные, приблизительные, основанные на частичном звуковом сходстве: «Встретила – смертная», «язвою – сразу бы», «по нраву – ржавый», «просторен – моря» и т. д.

Встречаются и точные, классические рифмы: «торец – наконец», «рукою – такою».

В то же время для Цветаевой рифма не является самоцелью. Можно отметить и бедные, глагольные рифмы: «глядел – сидел», «бедствую –ответствуют». Правда, глагольные рифмы встречаются редко, что связано, на наш взгляд, с тем, что Цветаева чаще передает не действие, а чувство, состояние. Наиболее эмотивно окрашены рифмы окказиональные, нетрадиционные: «чумазый – алмазом», «труб – тяжелотуп», «чужая – сужая». Это рифмы «богатые», так как рифмуются слова разных частей речи, причем наиболее важные для автора.

Особенно характерна для Цветаевой рифмовка слов редких, которые «держат» смысл стихотворения: «бращна – кумашный», «дщерь – теперь», «чрево – Еву» и т. д.

Адекватная передача рифмовки является одним из условий приближения переводчика к передаче лингвоментальной сущности переводимого автора.

В. Околова там, где это возможно, передает рифму точно: «лбом –жерлом», “лбом – жарлом”; «яд – взгляд», “яд – пагляд”. Если такая передача невозможна, то используются разные способы передачи смыслового содержания, заложенного в тексте, в том числе и в рифмовке. Вот пример из стихотворения «Первое солнце»: «Врожденная рана высоких душ, // О зависть моя! О Ревность! // О всех мне Адамов затмившей – Муж // Крылатое солнце древних». Перевод строфы: “Природная рана высокіх душ, // О зайздрасць! О Рэўнасць – нашча! // О лепей за ўсіх Адамаў – мой Муж: // Крылатае сэрца – прашчур”.

Задачу переводчика облегчает наличие слов-параллексов: ревность –рэўнасць, рана высоких душ – рана высокіх душ.

Там же, где нет формального совпадения, переводчик заменяет слово «древних» словом “прашчур”, сохраняя тем самым смысл строфы.

В переводе строфа стала даже более понятной, так как метафора М. Цветаевой «Муж – крылатое солнце древних» допускает множественность толкований.

В целом, можно сказать, что В. Околова старается сохранить особенности рифмовки М. Цветаевой. Если слова в оригинале рифмуются, они рифмуются и в переводе, если рифмовка отсутствует, В. Околова передает и эту особенность:

«Да, вздохов обо мне – // Край непочатый! // А может – мне легче быть проклятой! // А может – цыганские заплаты – // Смиранные мои». Перевод: “Так, спрэчак пра мяне – край непачаты! // А ці не лепш – мне быць навек праклятай! // А ці не лепш – з цыганскіх світак латы // Спакой для пачуцця”.

Таким образом, эмотивность текстов М. Цветаевой, выраженная в рифме, передана В. Околовой достаточно адекватно.

Список использованных источников

1. Ахманова, О. С. Вертикальный контекст как филологическая проблема / О. С. Ахманова, И. В. Гюббенет // Вопросы языкознания. – 1977. – № 3.
2. Булахов, М. Г. Основные вопросы сопоставительной стилистики русского и белорусского языков / М. Г. Булахов. – Минск, 1979.
3. Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М., 1983.
4. Гальперин, И. Р. О понятии "текст" / И. Р. Гальперин // Лингвистика текста. Мат. науч. конференции. – М., 1974. – Ч. 1.
5. Гальперин, И. Р. Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М., 1981.
6. Герасіме́нак, Л. Пераклады верша "А хто там ідзе?" / Л. Герасіме́нак // Польша. – 1992. – № 7.
7. Гируцкий, А. А. Белорусско-русский художественный билингвизм: типология и история, языковые процессы / А. А. Гируцкий. – Минск, 1990.
8. Журавлев, А. Н. Диалог с компьютером / А. Н. Журавлев. – М., 1987.
9. Кодухов, В. И. Методы лингвистического анализа / В. И. Кодухов. – Л., 1963.
10. Кожина, М. Н. Стилистика русского языка / М. Н. Кожина. – М., 1977.
11. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста: Структура стиха / Ю. М. Лотман. – Л., 1972.
12. Харченко, В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1976. – № 3.
13. Харченко, В. К. Образность в семантике слова / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1984. – № 3.
14. Чуковский, К. И. Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М., 1987.
15. Цвятаева, М. Дзве песні. Лірыка / М. Цвятаева. – Минск: Польша, 1994.